

Опасные
удовольствия

АННА ЗИМОВА

УБИЙСТВО С ГАРАНТИЕЙ

Анна Сергеевна Зимова
Убийство с гарантией
Серия «Опасные удовольствия»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64931901

Убийство с гарантией: роман / Зимова А.С.: Центрполиграф; Москва;

2021

ISBN 978-5-227-09393-6

Аннотация

Недалеко от торгового центра, в оживленном месте под ворохом осенних листьев, обнаружено тело молодого мужчины. В том же торговом центре работает Василь, сапожных дел мастер, настоящий художник в своем ремесле. В его камерке хранятся отремонтированные, но так и не востребованные, четыре пары обуви – ключи к разгадке убийства и многим личным тайнам тех, кто страстно желал бы похоронить их как можно глубже...

Содержание

Первая пара. Туфли-лоферы синие. Сдавала миленькая юная брюнеточка	12
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Анна Зимова

Убийство с гарантией

Василь

– Чем тебя грохнуть, чтоб наверняка? – мрачно спросил Василь. – Не знаешь?

Взял молоток с удлинённым бойком, но положил на место – слишком легкий.

– Пристукнем, может, тебя плиточным молоточком?

Только плиточного молотка с увесистой головкой, заостренной с одной стороны, сейчас под рукой нет. Делать нечего, взял простой, не такой удобный, замахнулся:

– Получи!

Мерзавцу ничего не сделалось – лежит и насмехается, высунув язык. Осмотрев место удара, Василь со злостью припечатал жертву еще раз:

– А так нравится?

Нет, надо было не тысячу брать за работу, а две. Парнишка с виду такой приличный, а обувь принес грязную. Надо будет его потыкать носом в объявление «Обувь принимается только в чистом виде». Для кого писано? И хитренький такой оказался, все повторял: «Да тут работы всего ничего. Только подошву подклеить, а то она немножко порвалась».

«Немножко»! Это совести у тебя немножко, парень. Подошва, как потом выяснилось, по всей длине лопнула, возись теперь с ней.

Василь уже сунул сигарету в рот, да все не мог оторваться от ботинка. Фильтр уже размок.

День плохо начался. С утра Василя ждал сюрприз похлеще ботинок. Какой? Труп – вот какой. Как вам поворот? Прямо рядом с ними нашли, в парке. У дорожки, по которой люди к комплексу идут. Лежал в канавке. Убийца листьями тело сверху присыпал и так оставил. Клади уже сразу на тропинку – пусть люди спотыкаются.

Продавщицы из «Продуктов» целый день к Василию бегают посудачить, счастье им привалило, есть над чем поохать. У кумушек языки, что венчики. Они ими взбили историю так, что пена пошла. Сначала у них был просто «труп», а потом намололи и «маньяка», и «серийного убийцу», чтобы скучно не жилось. И все-то они знают, полиция, им, наверное, напрямую докладывает. Сначала Василь, конечно, делал вид, что бабские сплетни ему побоку. Задником рваным занимался. Но потом ухо волей-неволей на баб настроилось, стало прислушиваться. Дети шли в школу, пинали листья и нашли тело прикопанное. Вызвали полицию. Мужчина молодой, лет тридцати пяти. Лежал на животе, лицом вниз. Темя пробито, через пролом видно мозг. Он шел еще со своей раной какое-то время, кровь за ним капала. Последние несколько метров вообще полз, так листья были примяты.

Самое неприятное для Василя в этой истории – кто-то ж его листочками присыпал? У кого хватило нервов смотреть, как человек корчится, и не помочь ему, не пожалеть? Вот живешь ты, что-то делаешь, барахтаешься – а потом кто-то решает, что жить ты больше не будешь. И закапывает тебя, как кошка какашку. Посетителей сегодня мало. Не стали бы их комплекс стороной обходить. Человек разбираться не будет, опасно ему сюда идти или нет, он только почует, что плохие дела тут творятся, – его сразу как ветром сдует. И сиди без клиентов.

Василь всегда разговаривал с обувью. Колотил по подошве молотком, приговаривая: «Вот тебе, вот». «Получите», – говорил, вбивая гвоздик. Когда случай сложный и рука не поднимается на ремонт, надо с ботинками посоветоваться. Каким шилом лучше делать прокол, чтоб кожа не надорвалась. Как носок растянуть, чтобы не «поплыл». Посетители робеют, видя, как Василь стучит по провинившимся подметкам, рыча: «Будешь меня знать».

На днях пришла дамочка из соседнего дома, принесла туфли-тракторы. Сказала: «Их нигде не берут, потому что подошва слишком толстая, под колодку не лезет. А вручную где сейчас простучат... На вас одна надежда, Василий Эдуардович. Столько раз уже выручали, выручите опять». И сделал он тетке туфли, и поскакала она в них довольная, а нигде ведь не принимали.

Опять же, работать на час дольше, чем остальные ремонты, – правильно. Народ же когда бежит сдаваться? После работы. Дай ты ему этот час – он тебе спасибо скажет. А зарабатываешь за это время как за целый день.

Какие мастера, может, взяли моду в подсобке молотком стучать, а Василь всегда на виду ремонтирует – вот он, за стеклянной перегородочкой, полюбуйтесь на мастера в работе. Люди любят зрелища, пусть глядят. Клиент должен тебя видеть, знать в лицо.

И такой еще нюанс. Будь ты самый распрекрасный мастер, никто к тебе не пойдет, если ты подхода к людям не имеешь. Никогда не забывай позвонить заказчику, если его ботинки готовы раньше, чем он ждет. Про семью его спроси, про здоровье и работу.

Василь иногда ходит на разведку к конкурентам – любопытно посмотреть, что у других творится. А у других в основном творится бардак. С клиентом ведут себя кое-как. Приемщицы у всех конкурентов одинаковы – хамоваты, неумны, некомпетентны. Говорят страшные фразы вроде «А я-то что могу сделать?», «А откуда мне знать?».

Хотя тут Василий и сам маленько маху дал. Сколько раз говорил своей Ульяне, чтобы улыбалась, когда обувь принимает. Не может же он вечно за прилавком стоять, надо и работать когда-то. Но только отвернешься, вот тебе Ульяна во всей красе – с кислой рожей; «Приходите к нам еще», – цедит уголком рта. Но – внимание – не ворует! Ни копейки

не сперла. За полтора года. В магазине «Одежда для детей» продавец меняется раз в месяц, в ремонте часов – и того чаще. Дело известное – трудно что-то в карман не положить, когда хозяин не смотрит. А Ульяна не хапает и не собирается. Есть еще такие звери, в Красную книгу их надо. Ничего, что мордой не вышли, зато порядочные. Кадры нужно беречь, и бог с ним, с кислым лицом.

Василь пересидел в своем торговом комплексе много арендаторов, всех не упомнишь. В других ступах сменяли друг друга черти. На вывесках появлялись буквы, цифры, знаки и еще бог знает что, а табличка «Ремонт обуви любой степени сложности» осталась. Даже злой последний финансовый кризис не снес ее. Столько же, сколько и Василь, в торговом центре продержался только отдел «Продукты».

Место у них хлебное: любой идущий к мет ро об них споткнется – нужно быть дураком, чтобы в такой точке не заработать. Но самоуверенность и наглость делали свое дело: молодые выскочки заезжали в павильоны со своими тряпками, товарами из Финляндии, душистыми благовониями, ручной работы шоколадом, носками, открытками, игрушками, часами, очками, собачьим кормом – и нахрапом пытались брать клиентов. Не разобравшись толком, что такое бизнес и с чем его едят. И через пару месяцев, когда заканчивался срок оплаченной аренды, сваливали поджав хвост. А гонору-то сколько бывало поначалу! И «бизнес-план» у них, и «инвесторы», и «мониторинг рынка», и еще бог знает что.

Он так скажет: маркетинг, наверное, хорошая штука, но клиента нужно знать не по книжкам. Он тебе не заморская лягушка, чтобы его «исследовать». Это сосед твой по городу и соседка. Пообщайся с ним вживую. Клиента нужно любить – того, который к тебе приходит, а не того, который в учебниках. Привечай его, задабривай, и он будет твой. А если ты зеваешь всем в лицо, отбрехиваешься, ленишься и копаешься в телефоне – пройдут мимо в следующий раз.

Клиенты, принося ботинки, задерживались у стойки поспудачить. Показывая на новый магазинчик, спрашивали: «Кто такие, Василь?» – «Знать не знаю», – отвечал он, крутя перед клиентом на раскрытой ладони готовую босоножку или балетку. Это означало – молодо-зелено, посидят со своими товарами недолго и скоро свалят в туман. Неряшливости у себя Василь не допускает и в Ульяне старался истребить ее. Он никогда не понимал, как можно копить хлам, оставлять на рабочем столе обертку от конфеты, шоколадки, хрустящей картошки. Они же с Ульяной за стеклянной перегородкой сидят, как в аквариуме, всегда на виду. Люди мимо проходят, заглядывают. А у Ульяны заварка в чашке плесенью поросла. Чертыхаясь, сам иногда хватал чашку, шел мыть. Тогда только Ульяна вздрагивала: «Василий Эдуардович, что ж вы. Давайте я сама...» И ведь сердиться на нее бесполезно. Не назло так делает.

Сначала Василь просто говорил «кхе-кхе» при виде мусора. Но Ульяну это не коробило. Тогда он постарался посмот-

реть на проблему под другим углом. Может, Ульяне кажется, что наводить чистоту – не ее работа? Она ведь не постоянная сотрудница, ей его порядки до лампочки. Она приходит спокойненько три-четыре раза в неделю и трудится на подхвате. На приемке постоит, зашкурит что-нибудь или подошьет. Ей по барабану, где что лежит и как. И Василь попытался действовать лаской. Стал говорить Ульяне, что без нее не справился бы. Благодарить за каждый пустяк. Не сработало. Ульяна расцвела немного, стала улыбаться, но объедки не выкидывала. Инструменты оставляла где попало. И тогда Василь сделал то, чего никогда себе не позволял, – смирился. Раз тетка досталась пожившая, ничего не поделаешь. Не каждого зверя можно выдрессировать. Шилья он складывает в ящик, каучуковые обрезки в корзинку для рукоделия, шнурки вешает на крючки в соответствии с рангом. Помещение у них небольшое, поэтому все нужно разложить так, чтобы выкроить хоть пяточок чистого места. Тесновато, да, но метры, которые им бы не помешали, стоят знаете сколько? Арендную плату-то Иван с Викторией понижать не собираются. Зато, не вставая с места, можно дотянуться почти до всего, что нужно.

У Василя только одна «слепая зона» в помещении – картонная коробка с обувью, которую не забрали вовремя. Она занимает, конечно, место, которое пригодились бы под корзину для обрезков. Да и в прейскуранте есть страница, где разъясняется, что он «обязуется хранить вещи заказчика

лишь в течение месяца». Но выбросить обувь – это что-то вроде предательства.

Обычно рано или поздно заказчики за ботинками возвращаются. Но четыре пары лежат в коробке уже давно, какие и больше трех лет. Василь помнит этих клиентов. Иногда он фантазировал, прикидывая, что может заставить человека бросить свою обувь. Раз ты решил дать ей ремонт, значит, она тебе нужна. Не хочется думать, что что-то нехорошее случилось. Может, за границу нежданно-негаданно улетел заказчик. Переехал в теплые края, и на фига ему теперь ботинки. И может быть, в один прекрасный день потеряшка соскучится по родине, вернется и заберет их. Он хотел думать так. Но все в торговом комплексе только хмыкали: «Теплые страны, Василь, как же...»

Но нужно верить в хорошее. Ему даже сон приснился накануне. Что явился к нему парень, который сдал когда-то и не забрал замшевые пижонские полуботинки, и признался: «Я их так долго не забирал, потому что у меня ножек не было, а теперь есть». Так и сказал – «ножек». Парень, правда, выглядел не так, как три года назад, заматерел маленько. Василь во сне даже всплакнул от значимости момента – улетают замшевые птенчики из гнездышка, в котором так долго просидели. А парень взял их спокойно и ушел.

Первая пара. Туфли- лоферы синие. Сдавала миленькая юная брюнеточка

Андрей

«Дорогая, – начал он, – нет слов, чтобы описать, что я испытал, когда получил посылку от тебя». Поколебавшись, он заменил «дорогая» на «любимая». Но не вспугнет ли такая рьяность робкую птичку? Давно уже убедившись в том, что женщине ни одно проявление любви не кажется чрезмерным, он все равно продолжал порой морщиться от собственных формулировок. Писал письма, будто принимал лекарства – сначала противно, потом полезно. «Любимая» и «единственная» воздавали сторицей. Та любовь, которую он теперь исповедовал, околичностей и двусмысленностей не терпела – это должна быть любовь в крайнем ее проявлении. Абсолютное поклонение. Чувство полного обожания.

«Ты спрашиваешь, что я чувствую в последние дни. Я скажу тебе – я немножко сержусь на тебя, милая. Да-да, не удивляйся. Я сержусь на создание, на которое сердиться»

априори невозможно. Сколько раз я говорил тебе, чтобы ты не баловала меня подарками? Но ты у меня непослушная и всегда делаешь по-своему. Придется серьезно поработать над твоим поведением, когда мы увидимся. Я собираюсь сам тебя баловать и заставлю меньше работать. Я уже вижу, как ты возмущаешься, но смирись с тем, что тебе придется уделять все внимание мне. Я знаю, что карьера очень важна для тебя. Но мне твое внимание будет нужно как воздух. А зарабатыванием денег пусть займется мужчина».

Он отхлебнул чая, прополоскал рот, ощутив пульсацию под пятым зубом. Тот снаружи глядел молодцом, но в последнее время начал ныть, видимо, под здоровой на вид белозубой копилось что-то черное и зловещее – пульпит или, того хуже, периодонтит. Скорей бы уже попасть к стоматологу. Морщась от покалываний, которые (слава богу) понемногу стихали, он продолжил набирать текст:

«Возможность поделиться с тобой своими эмоциями – мой спасательный круг. Держать их в себе иногда нету сил. Спасибо, родная, что думаешь обо мне и переживаешь за меня. Скажу тебе честно – сейчас я испытываю те эмоции, которые всегда приходят вслед за твоей посылкой, – бурную радость и ощущение отчаяния. Радость оттого, что ты обо мне не забываешь и заботишься обо мне. И отчаяние, поскольку я-то тоже о тебе постоянно думаю, но не могу подарить тебе то, что ты заслуживаешь. Скоро настанет

Восьмое марта, и я хотел бы положить все цветы мира к твоим ногам, а положу только свою любовь. Но так будет не всегда. Помни об этом. Думай обо мне.

И в конце письма я хочу сделать тебе предсказание – у нас с тобой, милая, все будет хорошо. Я это не чувствую. Я это знаю. То, что произошло со мной, я воспринимаю не как наказание, а как награду, потому что только так я мог встретить тебя.

Пиши мне обо всем, что ты делаешь. Как ты можешь говорить, что «утомляешь меня» и что «не хочешь грузить своими проблемами»? Да я живу твоими новостями, неужели непонятно? Я хочу знать всё. Какое у тебя настроение. Что новенького на работе. И умоляю тебя, малыши, – береги себя. От того, насколько тебе хорошо, теперь зависит жизнь одного не самого плохого человека. Твое фото в черной кофточке – шедевр. Какое все-таки у тебя редкое выражение лица – смесь сексуальности и интеллекта...

*Уже скоро твой,
Андрей».*

Нажав «Отправить», он ощутил удовлетворение. Две посылки, которые он сегодня получил, – его награда, подтверждение, что он нигде не ошибся. Кому-то может показаться, что они достались ему слишком легко, но этот человек просто не знает, что такое зона.

– Писатель! – позвали его. – Чай будешь пить?

– Уже не лезет.

– А водку?

– А это можно.

Ноги нащупали удобные шлепанцы (недавно присланы в подарок, именно такие, как он и заказывал, и по мягкому верху вышиты заботливой женской рукой сердечки), нырнули в них. Носки у него тоже важные – теплые, из хорошей пряжи, милая сама вязала. Под черной курткой – ярко-оранжевая футболка. Сегодня не присоединиться к компании – дурной тон. В бараке появилась водка, слава богу, а то брага уже надоела. Ему обрадовались, расчистили место, многие хлопали по плечу. «Сеня! – окликнул он, – а пить я из чего должен, из ладошки? Стакан дай».

Сегодня праздничный день, они получили передачи, которые приятно разнообразили вязкое, как медуза, существование. На какое-то время у них установилась, пусть и фальшивая насквозь, атмосфера детского утренника. Улыбались сморщенные рты, зияющие пустотой; рты молодые и румяные; рты искусанные и разбитые; рты, усеянные лихорадкой. Зона гудела, шушукалась, шелестела обертками и фантиками, творила дележ, в меру своих представлений о справедливости возвращались долги и делались подношения. Пили поставленную заранее брагу и контрабандную водку, говорили тосты, зажав в кулаке пластиковый стаканчик.

Его улов оказался весьма неплох, и, что особенно приятно, изобиловал сигаретами. Вечером он написал двум своим

женщинам письма, исполненные благодарности, а одной даже позвонил. Дама оказалась перспективная и заслуживала больше внимания. Чтобы долго не болтать с ней, позвонил ей прямо накануне переключки. Переключка была не только неприятной обязанностью, но и благом, потому что позволяла без проблем свернуть любой разговор. На время переключки телефоны прятались самым тщательным образом. Беспечность каралась сурово – надзиратели могли попросту изъять телефон. Вертухаи проносили телефоны внутрь, они же их и забирали, иногда в качестве наказания, а порой просто потому, что самому приглянулся.

Прошептав благодетельнице: «Малыш, нам, черт возьми, опять мешают, у нас переключка, будь она неладна», он спрятал мобильник. Любая весточка с воли ценится весьма высоко, а уж вещественное доказательство внимания... Действительно стоит побывать на зоне, чтобы научиться испытывать радость от остро пахнувшей «барбариски», на которую на воле и не взглянул бы. В последнее время *воля* все чаще являлась в его фантазиях в ранге запахов. Он пытался вспомнить не лица и эмоции, а ароматы, и с удивлением обнаружил, что не помнит, как пахнут многие вещи, к которым он прикасался, мимо которых проходил каждый день. Хотелось запахов – не обязательно вкусных и приятных, лишь бы *вольных*. На утренней переключке иногда он был уверен, что ветер донес к ним аромат воды из озера, хотя до озера было километров двенадцать.

Однажды он получил письмо от женщины, написанное от руки. Может, она не душила его нарочно, но лист хранил в себе молекулы женского запаха, возможно, парфюмерии или того нежного мускуса, что источает женская кожа, как ее ни мой. Он даже испугался того, какое сильное впечатление это произвело на него. Не текст (безграмотный, экзальтированный, раздражающий), а аромат. Он подносил письмо к носу, боясь, что запах исчезнет от постоянно принюхивания, но не мог заставить себя перестать. Но каждый раз, когда ему казалось, что письмо выдохлось, оказывалось, что нужно лишь перестать на время его трогать, перетерпеть немножко – и оно начинало пахнуть снова. Этим чередованием нюханья и ненюханья он довел себя до того, что эрекция начиналась уже при одном взгляде на письмо, не только от его запаха.

Когда освободится, он первое время вообще не будет закрывать окно – хочет вдыхать автомобильные выхлопы и аромат цветущей черемухи.

Все, что он знал про местные обычаи, заступая сюда, – это то, что тут нельзя ронять и поднимать мыло, и что тебя за любую провинность могут опустить. Но зона на поверку оказалась адом совсем другого рода, чем он представлял. Время шло, но так никто его и не «прописывал», не выбивал зубы и не творил с ним все те мерзости, которые он рисовал себе, когда поступал сюда. Когда после сборок, осмотра и суточного карантина его подняли, наконец, на хату, он

думал, что от нервного напряжения упадет в обморок. Потом он уже не без улыбки вспоминал – он так боялся побоев и издевательств, что имя свое и фамилию перед мужиками произнес фальцетом, хотя помнил, что нужно «держаться с достоинством и громко и четко представиться». Его персона никого особо не заинтересовала, даже поздоровались с ним не все. Смотрящий – полненький, но на тонких ногах, сказал ему, окинув тяжелым взглядом: «Хата у нас мирная, смотри, чтобы без драк». Драться? Они всерьез подозревают, что он собирается драться? Вот и вся прописка. Мелькнула мысль – может, навалятся, когда он уснет, придушат подушкой и избьют? – но и ночью никому из двадцати сокамерников он не сдался. Правда, без кошмаров все равно не обошлось – в три часа полудурок с широко расставленными, как у козы, глазами, на которого он обратил внимание еще днем, вдруг запел. Днем он тихо напевал, а тут вдруг заорал в полный голос: «Нельзя любви – земной любви – пылать без конца».

Его удивило тогда, что полудурка не прибили, а только зашикали. Но тот, пока не допел все куплеты, не успокоился. Потом еще два раза принимался орать, и уснуть не удалось. Козоглазый категорически шизанут, странно, что его вообще посадили.

Потянулась черно-белая вязкая масса одинаковых до одурения и наполненных бытовыми унижениями и тяжелой работой дней. Итак, он пряник¹, который попал на Валдай,

¹ Пряник – первоходка (жарг.).

невероятно красивые и живописные места. Три барака из крошащегося белого кирпича стояли в колонии с 50-х, но его определили в новый. Постельное белье – только белое, форма – только черная. Самой большой проблемой поначалу оказалась еда, не то чтобы она была совсем отвратительной, но ему катастрофически не хватало порций, чтобы наестся, он в прямом смысле слова голодал. Записываясь в рабочий отряд, он уповал, что денег будет хватать на то, чтобы прикупить что-нибудь в местном магазинчике.

Ничегошеньки он не понимал, боялся совсем не тех вещей, которых следовало бы. Он, например, почему-то переживал, что его принудят заступить в «красную» должность. Про себя заранее решил, что ни нарядчиком, ни рабочим БПК, ни дневальным он не станет – на воле от кого-то слышал, что лучше умереть, чем быть «козлом». К блатным с их противной эстетикой у него тоже никогда симпатии не было, а хоть бы и была, заслужить их уважение ему, первоходке, не светило. Он стал корчаком², пошел работать на деревообрабатывающий комбинат. Раньше заключенных возили на работу через весь город в автозаках, это, вероятно, было для них хоть каким-то развлечением, но в 60-х годах для них построили свою промзону, примыкающую к жилой, и увеселительные поездки прекратились. Утром он, невыспавшийся из-за певуна, шел, как сомнамбула, на перекличку. Мороз помогал хоть немного прийти в себя. Он жевал завтрак, жа-

² Корчак – трудяга (жарг.).

лея, что хлеб и каша в тарелке заканчиваются, а потом начался настоящий кошмар.

То, чем он занимался, называлось «глубокой обработкой древесины». Можно было бы трудиться в швейном цеху или в хлебопекарне, но выяснилось, что для подобной работы он негоден. Все тренинги по продажам рекламы и курсы повышения квалификации, которые он прошел, не смогли перевесить факт – чтобы зарабатывать здесь и сейчас, у него абсолютно нет навыков. Он не имеет представления, что делать с мукой, знает только смутно, что она бывает ржаная и пшеничная, и не в курсе, с какого края нужно подступиться к ткани, чтобы сшить из нее куртку, порты или наволочку с пододеяльником.

Предприятие производило деревянные оконные и дверные блоки и мебель. Он никогда не отрицал, что физическая работа может быть тяжелой, но она оказалась совершенно невыносима. Токарное, фрезерное, сверлильное дело, полировальные работы – вот лишь небольшой перечень специальностей, которые он освоил бы, если бы знал, что его ждет заключение, но не освоил. Поэтому ему досталась самая дурная и нудная работа – шлифовать фанерные листы. Он и с ней не справлялся, хоть и старался. Листы оказались настолько тяжелы, что после переноса каждого нужно было несколько минут ждать, пока не утихнет дрожь в ногах и руках. Фанера норовила соскользнуть со стола, который был для нее слишком узок. Всегда в воздухе висела мельчайшая

пыль. Он попросил респиратор – и получил несильный, но унижительный толчок по плечу и обещание, что получит со следующей просьбой удар по почкам. Перчатки не спасали от заноз, подушечки пальцев то и дело нарывали. По ночам он кашлял, ворочался от дергающей боли в кистях; кашляли и многие другие. Полудурок оказался агентом бессонницы и едва не довел его до сумасшествия. Только сон начинал прибирать – раздавался вой. Певун орал что ни ночь, его репертуар составляли в основном песни из советских кинофильмов, блатные он не пел. Днем он певуна жалел, а ночью клялся себе вполне серьезно: «Задушу». Поначалу казалось, территория зоны так велика, что в ней можно даже заблудиться, но это только оттого, что у него не было времени обойти ее и рассмотреть все толком. В те, первые, дни он доходил до койки и падал на нее, едва сдерживаясь, чтобы не заплакать от боли, голода, усталости и остобрыдлых песен. Ему попросту было безразлично, что творится в соседних бараках, чем тут можно заниматься, кроме работы, и как вообще тут живут люди. В его барак селили таких же работяг, как и он, большинство уставало не меньше. Не до выяснения отношений им было, тут до шконки бы доползти вечером. Достижения первых двух месяцев в колонии общего режима в деревне Угловка были такие: он еще больше похудел, испортил легкие, охрип, искалечил руки, заработал аритмию и невроз – а денег получил столько, что на воле хватило бы один раз поесть в приличном кафе. Это если еще особо не выпивать.

Василь

Синие туфли-лоферы из отказной коробки сдавала девушка, красивая, курносенькая, совсем молоденькая. В черных блестящих волосах ровная ниточка пробора, челка заправлена за сладкое, слегка оттопыренное ушко. Разговаривала вежливо, просила только, чтобы побыстрее. И не забрала свои лоферы.

Много ли Василь может сообщить о ней после трех минут общения? Кое-что может. Обувь человека иногда расскажет о нем что-нибудь. Вот лоферы сказали ему, например, что девушка переживает не лучшие времена. Туфли дорогие, но сильно заношенные. Богатенькая цаца такие выкинет не раздумывая, а эта решила отремонтировать. Во-вторых, девица работала, и работала в офисе. Почему он так решил? Хоть ремешок и «пополз» и стелька сбита, но подошвы не испорчены, по улице девушка в них не гуляла. К платью ее, веселенькому, легкомысленному, они не подходили совершенно – такие носят с деловой одеждой. И сдавала она их в пятницу и планировала в понедельник снова их надеть. Но по какой-то причине не вернулась. А почему, это не его ума дело. Он туфлям ремонт дал да положил в коробку. Захочет – придет.

Денек продолжался в том же духе, что и начался. С утра

труп, потом потоп. И ладно бы, воды прилетело всем поровну, нет, вся до капельки досталась Василию. Текло сверху, с балюстрады. Он заметил воду, только когда шустрая струйка из-под стены скользнула к нему под стол. На балюстраде стучали чьи-то каблучки, много каблучков, ругались женские и мужские голоса. Василию показалось, что он слышит среди них голос Виктории.

Отправил первым делом Ульяну в туалет за тряпками. Ходила минут пятнадцать, хотя дороги туда минута. За это время воды набралось больше, и он стал промокать пол ветошью. Тряпки Ульяна, слава богу, принесла, но про ведро, конечно, не вспомнила. А отжимать ты во что будешь? Должна же в женщине быть хоть какая-то хозяйственная жилка? Хоть самая тонюсенькая! Ругаясь (пока про себя), сам пошел за ведром, взял два и по дороге оценил обстановку. Да, течет из кафе Виктории, шум оттуда. Он увидел саму Викторию. Рядом с ней стоял ее брат Кирилл и командовал парой мужичков-сантехников. Виктория была зла. Ясно дело, не хочет мужу признаваться, что облажалась, спешит до его прихода прибраться.

Многие арендаторы вышли полюбоваться, как Василя топят, но чтобы подсобить, такого, конечно, не было. Всюду это равнодушие, как будто они не в одном помещении сидят. Ведь сейчас его заливают, а через минуту вас начнет. Ульяна тряпочку мяла двумя пальчиками, воды собрала в свое ведро на доньшке. Протерла пол внутри и снова села на табу-

реточку. Святые угодники, дайте Василию сегодня терпения. Не выдержал:

– Ульянка! Вокруг себя протерла и всё? Вода закончилась, значит? Не видишь, что ли, сколько осталось?

Осчастливила – снова принялась тряпкой елозить.

Посетители морщатся, перескакивают через грязную воду, смотрят с укоризной. Не будет тебе сегодня клиентов. Не твой день.

Кумушки из «Продуктов» помочь ему и Виктории не вызвались, только стояли, смотрели и злорадничали, один хрен, не их затопило. Ничего, Виктория тоже позлорадствует, когда придет к вам через неделю арендную плату собирать. Не любят у них Вику, никто не любит. Это от недалёковидности. В смысле, любить жену хозяина, конечно, не обязательно, но вот гадить ей точно не стоит. А вот Василию Вика нравилась. И не только потому, что красивая, а потому, что есть в ней еще деловая жилка. Правда, Викой он ее называл только про себя, а вслух всегда, конечно, Викторией Львовной.

Когда Иван на ней женился, все заладили: «Дырка Ивана». А Вика стала мужу нехило так помогать, ремонт в здании кое-какой сделала. Комплекс-то раньше выглядел не ахти-вахти. Вывески у них висели в стиле «кто в лес, кто по дрова». Так она заставила мужа все содрать и напечатала всем одинаковые, красные с белым. Стало аккуратно. Виктория тоже дальше своего носа глядит, хочет, чтобы у них был не сарай, а приличное место. Потом она кафе здесь от-

крыла, посетителям есть где перекусить. Ничего такое кафе, уютное. Но про Вику все равно шипят по углам: «Соска хозяйская».

А Василь вот хочет нормальные условия. И с Викторией, надо признать, стало лучше, чище и светлее. Вика-то не принцессой сюда приходит, чтобы пальцем тыкать в чужие недостатки. Она не боится руки испачкать. Иногда возьмет швабру и сама пол протрет.

Виктория уже спешила к нему на тонких каблучках. Нервничала, но улыбалась во все зубы. Следом устало шел ее брат, уминая на ходу пирожок. Рубашка на нем мокрая и расстегнута чуть не до пупа.

– Василий, простите, – издалека еще начала Виктория. – У меня трубу прорвало, и все вам досталось.

– Не беда, – вежливо ответил он, – дело житейское. Я и полы заодно протер.

Ульяна высунула голову из подсобки, но, увидев Викторию, сразу юркнула обратно.

Виктория протянула ему картонную коробку:

– Попробуйте наши новые пирожные.

От начальства знаки внимания приятны.

– У вас точно все в порядке?

– Виктория Львовна, дорогая моя, не беспокойтесь. Дай бог вам здоровья.

Брат ее ни слова не сказал, жевал поодаль. Но уж как на него пялились отовсюду... Кирилл этот – сущее наказание,

бабья порча. Лучше бы пореже сюда заходил, а то у женской половины при его появлении мозг проваливается в одно место. Но Кирилл заходит часто, у него в этом же торговом комплексе, с тыла, свой автосервис. И продавщицы пытаются с ним кокетничать, хотя он им явно не по зубам и не по рангу.

Под ключицей у Кирилла оказался шрам, розовый, ровный. Приглядевшись, Василь увидел еще один и еще. Он раньше и не замечал, что Викин брат так покоцан.

Вика

Иногда Виктории казалось, что комплекс недолюбливает ее. Каблуки застревали в решетке на входе. Внутри начинали пропадать вещи. Просто так, без видимой причины. Комплекс играл с ней в странные игры. Подержав бумаги или ключи какое-то время, он их обычно отдавал, но обязательно что-нибудь портил – находилось пятно, царапина, которых раньше, она готова была поклясться, не было.

А несколько месяцев назад у нее пропало здесь кольцо с крупным бриллиантом, которое Иван подарил ей на годовщину свадьбы. Плохая примета. У нее похудели пальцы, и, моя руки, она снимала его от греха подальше, чтобы не спустить в слив. Однажды, положив его на раковину, она забыла о нем ненадолго, а вернувшись, обнаружила, что кольца уже нет.

Когда они только переехали в квартиру на проспекте Про-

свещения, что-то подобное тоже с ней происходило. Квартира будто приняла ее в штыки – билась током, брызгалась водой, иногда больно прищемляла пальцы дверями, – но потом смирилась. А торговый центр не оставлял в покое, будто дулся за что-то, и она не могла понять, в чем провинилась.

А теперь потекла труба. Она хотела справиться сама – вызвала сантехников и собиралась контролировать ремонт от начала до конца. Мужики пришли из тех, которые больше ноют, на любой вопрос отвечали: «Ну, не знаю, мы ножовку не взяли...» Она сломалась и позвонила все-таки Кириллу. Когда брат пришел, она была уже совершенно красная и всклокоченная. Кирилл стал молча разглядывать сантехников. И проблема решилась быстро и эффективно! Мужиков даже не потребовалось приструнять. «Чего, вы говорите, вам для работы не хватает? Ножовки? – спросил Кирилл. – А может, рук или башки?» Сразу же нашлась ножовка по металлу. Кирилл придерживал трубу, навалившись на нее грудью, пока один из мужиков елозил по ней ножовкой. Лезвие появлялось и исчезало, и Вика вдруг отчетливо увидела – лезвие погружается в грудь Кирилла и снова появляется. Сейчас на рубашке появится красное пятно, как тогда... Она вскрикнула. На нее посмотрели с удивлением.

– Извините, – она стала обмахиваться ладонью. В горле набух горький комок.

А они все пилят и пилят! Картина была такая яркая. Рука, как и в тот страшный день, наносит Кириллу удары один за

другим. На Кирилле сегодня, как назло, даже рубашка такая же, как тогда. Сейчас он упадет на пол, и рубашка из белой станет полностью алой. В тот день, когда рухнул мир, когда она чуть не потеряла брата, у нее была температура, она не вполне понимала, где явь, а где ее фантазии. Она думала, что кричит кто-то другой, а потом оказалось – это она. Сейчас ножовка визжала, как она тогда. Она отвернулась и, посмотрев вверх, стала часто-часто моргать. Не плачь, сказала она себе, ведь он жив и здоров.

* * *

Когда ей было девять, в школе им задали написать сочинение на тему «Папина работа». Она написала: *«Папа говорит, что мужчина не должен обсуждать с женщиной свою работу. Чем меньше женщина знает о том, откуда у нее берутся деньги, тем счастливее семья. Женщина – хранительница домашнего очага, а мужчина – добытчик. Так должно быть в каждой семье. Женщину не должно интересовать, что мужчина делает на работе. Если он приносит ей деньги, значит, он ее любит. Еще папа говорит, что спрашивать посторонних об их заработках – неприлично. Все, что я могу сообщить про папину работу, – это то, что она очень сложная и ответственная. Но папа хорошо с ней справляется, раз деньги есть, а большие меня ничего волновать не должно. Так он сказал».*

Ей поставили двойку. Но папа вовсе не рассердился. Он взял тетрадь и под оценкой написал: *«Да, я так все и сказал! Прочитайте, если не поняли»*.

Папу убили через шесть лет – расстреляли в его «ауди» в узком переулке возле дома. Мама к тому моменту уже год как умерла.

Вика очень рано узнала, что папа «бандит», – настолько рано, что эта новость не произвела на нее никакого впечатления. Так другие дети узнают, что их папа «алкоголик» или «гуляка» еще до того, как понимают, что это такое. Раз папа – бандит, значит, все бандиты такие, как папа, решила она – красивые мужчины, и очень умные, которые больше всего на свете любят своих дочерей.

Кирилл не открыл ей главного, когда папы не стало, с порога просто сказал: «Папа умер в таком-то переулке», но она, конечно, и так поняла, что случился не инфаркт. Надо было срочно бежать туда. Папу нужно просто хорошо потрясти, крикнуть: «Папа, я здесь!» – и он очнется. Она вдруг поняла, что не может сделать вдох. Но ноги еще двигались, и надо было бежать к папе. Кирилл схватил ее за пижаму, она пыталась вырваться. Папа лежит рядом в переулке, а ее туда не пускают! Потом была острая боль в груди, такая, что не шевельнуться. Она описалась и стала мычать, позабыв внезапно все слова. Час жизни полностью стерся из памяти. Потом в больнице ей рассказали, что из-за острого стресса она

пыталась убить себя, наглотавшись сонных таблеток. В ночь папиной смерти ее забрали в частную психиатрическую клинику в состоянии острого психоза. Много времени потребовалось ей, чтобы сообразить: никакого психоза у нее не было и таблетки она не ела. Кирилл просто сбагрил ее на неделю в частную дурку, чтобы оградить от похорон и допросов. Кирилл всегда старался первым делом защитить ее, рассмотреть любую ситуацию с точки зрения – безопасна ли она для сестры, а потом уже приступать к делу.

Никаких решеток на окнах и высоких заборов в клинике не было, сюда люди приходили в основном по собственной инициативе, так что в день похорон она спокойно ушла отсюда и явилась на них как была, прямо в пижаме. Кирилл только поворчал, скандала не случилось. Потом он привез ее в пустую квартиру, где не было папы. И тогда в ванной, в которой, если принюхаться, чуть-чуть еще пахло папиным одеколоном, она заплакала в первый раз.

Он просидел с ней весь вечер и всю ночь, так и не лег спать. А утром уехал по делам. Оставил на столе денег. Что ей делать одной в такой большой квартире? Она оделась и села на кухне к столу, стала смотреть на банкноты.

За этим занятием и застал ее Кирилл, когда пришел вечером. Он не спросил, как у нее дела и хорошо ли она себя чувствует. Ходила ли она на занятия. Сев к столу, он бодро поинтересовался: «Что у тебя на ужин?» – «Я не хочу есть», – ответила она. «Но я хочу», – удивился он. Именно эти слова

вывели ее из транса, а не все длинные нотации, которые ей читали в клинике. Простые слова мужчины – «я голоден» – подействовали, как спусковой механизм. Она открыла холодильник и стала трясущимися руками шарить в морозилке. Нашла два намертво сросшихся куриных крыла и засунула их в кастрюлю.

Кириллу было двенадцать, а ей пять, когда она попросила его никогда не жениться. Она боялась, что жена запретит Кириллу видеться с ней, и он не сможет навещать ее. Если папино внимание было чем-то неизменным, она и в пять лет понимала это, то за внимание брата приходилось бороться. Брат не папа, который никуда не денется. Он был братом только наполовину, и навещал их лишь время от времени. Но уж к этим встречам Вика готовилась со всей тщательностью. Подолгу думала, чем произвести впечатление, и надеялась все-таки однажды сманить брата к ним. Выведывала у мамы и папы, почему Кирилл не может переехать насовсем, ведь он тоже папин сын. Просто – нельзя, говорили ей, потому что у Кирилла есть своя мать, и она тоже хочет жить с ним. Наконец Вика смирилась и сказала родителям, ладно, раз нельзя забирать Кирилла у матери, пусть переезжают к нам оба. И опять ответ был отрицательным. Это было уже за гранью разумения, ведь квартира-то большая. Вике хотелось брата – своего, законного, который будет с ней постоянно.

В пятнадцать она стала сиротой. Кирилл не пытался под-

менить ей отца, но был очень на него похож и внешне, и повадками.

Повзрослев, Кирилл стал бывать у них реже, и в последние годы их общение почти сошло на нет. После папиной смерти она стала узнавать его заново. Первое время она чувствовала себя кошкой, за которой человек присматривает, потому что его об этом попросили. Кошка скучает дома целый день, единственное ее развлечение – человек, который откроет дверь и насыплет корма. Может быть, погладит за ухом. Иногда в ночных кошмарах ей виделось, что Кирилл перестал к ней приходить – забыл дорогу, заболел или потерял к ней интерес. Но наяву Кирилл всегда возвращался. Вместо корма оставлял денег и так же, как и папа, говорил, что не ее дело, откуда они взялись. Заставил ее выбрать институт, нанять репетитора и готовиться к поступлению. Кошка, которую приходят покормить, настороженно смотрит на человека, дающего корм, человек с любопытством и опаской глядит на малознакомую кошку. Наконец, они друг к другу привыкают, и скучающая кошка радостно реагирует на появление человека на пороге.

Брат никогда не спрашивал, бывают ли у нее дома мальчишки, но она все равно скрывала их присутствие. После ухода одноклассников тщательно прибирала и следила за тем, чтобы они не пересекались с Кириллом. С мальчишками ей было просто – бей по рукам, если распускают, зато можно говорить обо всем открыто и называть вещи своими име-

нами. Девочки были поспокойней. Требовали постоянного соблюдения каких-то ими придуманных правил, имели кодовые словечки для всего на свете, жеманничали и говорили гадости о той, которая ушла раньше. С ними было неуютно, все время приходилось соответствовать. Девочки не терпели импровизаций, отклонений от нормы. Нельзя быть странной. Расстроенной быть можно, но для расстройтва у тебя должна быть причина, которая удовлетворяет окружающих. Если девочки тебя о чем-то спрашивают, вовсе не обязательно их интересует твое мнение. Скорее всего, им просто нужны одобрение и поддержка. Вика откровенно побаивалась сверстниц. Казалось, она постоянно находится под приглядом, все время ее оценивают. Грубо говоря, чтобы понравиться девочкам, требовалось гораздо больше усилий, и, выбирая общество мальчиков, она просто выбирала простоту и удобство.

Но одноклассницы были упорны – они решили, что с сиротой нужно общаться, – и общались, нравилось ей это или нет. Свою заботу выражали довольно агрессивно. Не справлялись, интересно ли Вике их общество, а полагали, что, разумеется, интересно.

Наезжали вечерами, что ни день, с пирожными. Вика, грешным делом, упрекала себя: почему чужое участие ее так мало трогает? То, что в действительности происходит у нее дома, она поначалу просто не понимала. Игнорировала вопросы: «А не помешаем ли мы, ведь может приехать твой

брат?», которые задавались исключительно с целью подгадать время так, чтобы его увидеть. Не видела проку в том, чтобы, отправляясь к ней в гости, надевать короткие юбки и чулки-«сеточки».

Но настал день, когда девочки показали себя во всей красе. Появившись вечером, Кирилл застал дома не просто компанию девчонок, а компанию пьяных девчонок, а эти две компании, хоть и состоят из одних и тех же девчонок, различаются между собой, как небо и земля. Она с ужасом отчетливо увидела вдруг все, что раньше отказывалась замечать – томные взгляды, похотливое облизывание губ, яростное накручивание волос на палец.

Кириллу хватило ума игнорировать все эти призывы, но не хватило ума их пресечь. Он даже по-приятельски, на правах старшего брата распил с ними шампанское. Девочки удвоили усилия. Все взгляды в комнате были прикованы к Кириллу. Сама она превратилась в тень, в невидимку, которую вот-вот грозило уничтожить токами чужого желания.

Вот одна уже направилась на кухню, поняв, что Кирилл ушел в туалет, хотела подкараулить его в коридоре. Другая, спохватившись, отправилась за ней, чтобы не допустить этого. Вскоре Кирилл вернулся в комнату один, а с кухни донеслись звуки перепалки. Девочки не подловили жертву, но обрушились друг на друга. Открыв дверь на кухню, Вика увидела их, таскающих друг друга за волосы и приговаривающих: «Получи, сучка».

– Вечеринка окончена, – сказала она, и драка сразу прекратилась.

Кирилл, поняв, что натворил, заказал девчонкам два такси и лично всех распихал по салонам. Сам благоразумно уехал на третьей машине, попрощавшись с Викой беспечно. Посмеивался еще. Весело ему, видите ли.

Когда девочки уехали, Вика прибрала бардак и проплакала полночи. Это были новые для нее и очень странные слезы – слезы ревности, обиды и стыда из-за того, что ее держали за дуру. Больше она не плакала из-за женщин ни разу в жизни.

Личная жизнь Кирилла поначалу была для нее тайной за семью печатями. «Встречаешься ли ты с кем-нибудь – серьезно?», «Живет ли кто-нибудь с тобой в твоей квартире?», «Ждет ли тебя с работы и готовит ли тебе еду?» – об этом она говорить с братом стеснялась. Иногда, забегая к ней, он торопился, так что было понятно – в БМВ возле подъезда его ждет дама. Она не видела этих девушек, они не поднимались с Кириллом в квартиру, и он не заговаривал про них. Но чутье подсказывало – каждый раз это была новая пассия.

Если требовалось помочь сестре по дому, Кирилл мог заставить очередную подружку ждать сколько угодно, и даже не пытался предупредить, что задерживается. Если ему звонили, он коротко говорил «занят» – и вешал трубку без объяснений.

Однажды она приболела. Когда Кирилл вечером привез

деньги, он застал ее во всей красе – разбитая походка, красный нос, слезящиеся глаза. Нос распух не только из-за простуды. Одноклассник, с которым она вечером собиралась в кино, отправился туда без нее. Да еще, как ей (с радостью) сообщили бывшие подружки, взял с собой другую. Она не поверила, позвонила ему. «Не пропадать же билету», – просто сказал одноклассник. Вика бросила трубку и заплакала. У нее грипп, а он даже не почесался, чтобы ее навестить! Билет ему важнее. Другая уже найдена, а ведь она болеет только один день.

Кирилл потрогал у нее, плачущей, несчастной, лоб. В тот вечер он сам приготовил ужин и заставил ее поесть. Потом уселся смотреть телевизор. Никогда он так долго у нее не засиживался. Телефон постоянно тренькал, но, взглянув на экран, он каждый раз сбрасывал звонок. «Я переночую тут на диване? – наконец спросил он. – Слишком устал». Это было утверждение, а не вопрос. Они прекрасно провели вечер перед экраном, оба балдели от старых фильмов. Телефон продолжал звонить, но Кирилла это не волновало. По крайней мере, внешне он был совершенно спокоен. Наконец Вика набралась смелости и, показав на телефон, спросила: «Что-то не так?» – «Ерунда, по работе, – сказал брат, – иди спать, у тебя температура и нос как картошка».

Устроившись в постели, она вдруг поняла – он остался, потому что она болеет, просто не хочет ей говорить. Кирилл по-быстренькому и тихо с кем-то переговорил по телефону,

как ей показалось с женщиной. Значит, свою страсть сегодня он отшил. Она хотела пойти к нему и потребовать, чтобы он ехал по своим делам, но уснула. Утром ей стало легче, и Кирилл наконец уехал. В тот день она поделила всех мужчин на «брата» и «других». «Брат» – это тот, кто тебе поможет при любых обстоятельствах, бросит свои дела ради тебя, потому что ты важнее. От других можно ждать чего угодно и уж точно не того, что ты всегда будешь для них на первом месте.

С тех пор Кирилл стал время от времени ночевать у нее, и эти вечера всегда были праздничными. Они становились детьми, которым разрешили лечь спать попозже. Ели вредную еду, кроша ее на пол, пили пиво.

Она всегда готовилась к этим посиделкам, сооружала ужин и следила, чтобы кто-нибудь не приперся в гости. Но иногда Кирилл заявлялся настолько уставший, что, едва войдя в дом, падал на диван и спал по двенадцать часов. Ему нужно где-то отсидеться, где его не будут дергать, где он сможет отдохнуть, понимала Вика. Понемногу они срастались накрепко, как те два куриных крыла.

Андрей

Во-первых. Если ты хочешь, чтобы общение с заочницей³ было обоюдодоприятным, надо кое о чем позаботиться с само-

³ Заочница – подруга по переписке (жарг.).

го начала. Чтобы потом не огрести проблем. Заочница подойдет не каждая. Главная и самая излюбленная ошибка новичков – они хотят молодых и симпатичных. Нет, можно, конечно, и молодую уболтать, чтобы она с тобой переписывалась. Но пройдет неделя-другая, и она исчезнет, не оставив никакого следа, не то что посылки. К симпатичным внимания много, они отвлекутся от тебя рано или поздно. Замужние домохозяйки и мамочки, зашедшие на сайт знакомств от скуки, тоже не годятся, семью объедать женщина вряд ли станет. Нужно выбирать одинокую и отчаявшуюся.

И подарить ей надежду. Это если в двух словах, хотя есть, конечно, нюансы. Нарисуй ей прекрасное будущее с тобой, нарисуй его правдоподобно и ярко. Говори ей, что у нее все еще впереди, что ее женское счастье, о котором она уже и не мечтает, ждет ее с тобой, – и она закроет глаза на твои небольшие недостатки, например, срок за убийство. Но красивыми такие женщины редко бывают.

А он вот нашел себе симпатичную – да еще и влюбилась как кошка. Сами почитайте:

«...Ты спросил меня, почему я тогда тебе ответила, несмотря на то что ты не на свободе.

Когда я увидела твою фотографию (ту, где у тебя щетина), сразу поняла, что я тебя давно уже знаю. Смотрела и поверить не могла. Так бывает: видишь лицо человека и просто понимаешь – родное.

Может быть, наши измученные души действительно посланы друг другу не зря.

Ты спрашивал, как у меня дела, но мне особо нечем тебя порадовать. Очень устаю. На работе постоянный аврал – кажется, мы нахватали большие контрактов, чем способны обеспечить. Тружусь как проклятая, и все бы хорошо, если бы не постоянные интриги. Любой модный бизнес – это всегда много женщин, а значит, и много склок. Кажется, учредительница (помнишь, я тебе про нее рассказывала – вечно всем недовольная Белобрысая Гингема) действительно хочет меня слить.

Только обещай, что не будешь злиться, ладно? Обещаешь? Она, кажется, ревнует меня к своему мужу. Как ты понимаешь, без малейшего повода – с моей стороны. В результате я без вины виноватая. Ну да хватит обо мне. Непосредственный мой начальник прекрасно отдает себе отчет в том, что без меня они не справятся. А уж отшить кого-нибудь для меня – пара пустяков. Не вздумай даже заподозрить меня в чем-то предосудительном! А то я тебя знаю. Он мне ни капли не нравится. Просто ты просил рассказывать тебе все-все и откровенно, вот я так и делаю. Мне бы хоть одну вольную твою фотографию. Я бы поставила ее к себе на стол в рамке. Но на всех ты в робах, поэтому я смотрю на тебя только тайком.

Мне показалось или, когда мы разговаривали в прошлый раз по телефону, ты кашлял и пытался это скрыть? Хотя

можешь не отвечать. Просто скажи, что из лекарств передать. Это приказ, если хочешь. Сам грозился сделать все, что я попрошу. Вот я попросила.

Твоя».

«Твоя» набрано жирным шрифтом. Первую часть письма он просмотрел, особо не вчитываясь, – женщины странные, конечно, существа. Все как одна заочницы оправдывают своих милых... Синие от наколок мужики уверяют их, что попали сюда по недоразумению, а тетki даже не пытаются возражать. Элементарно сложить два и два. Как же они любят, чтобы им ссали в уши. Да, девочки. Тюрмы буквально переполнены невинными людьми. Все вляпались сюда «случайно», «ненароком», а часто даже из-за собственного благородства. «Я защищал женщину», «Я хотел помочь другу» – достаточно так сказать, и женщина говорит: «Я тебе верю».

Взять конкретно эту. Знает, что он сидит за нанесение тяжких телесных, – и не смущена ведь ни капельки. Чирикает, как птичка, распускает перед ним перышки. А ведь живет одна и по всем признакам весьма неплохо зарабатывает. А что, если я, милая, выйду и почикаю тебя на кусочки, а денежки твои, с трудом заработанные, заберу?

Допустим, именно эта женщина – в безопасности, он совсем не по этой части. Но вообще-то, курочка моя, «тяжкие телесные» – это тебе не шуточки, это не то, на что следует закрывать свои прекрасные глазки, когда строишь отноше-

ния. Но нет, если баба хочет любви, ничто ее не остановит. Пишут и насильникам, и убившим с особой жестокостью, и конченным нарикам. И все они, по словам их заочниц, невинны. Того гляди, белые крылья проклюнутся.

Но перейдем от лирики к физике. Вторая часть письма настораживала. Интересное будет дело, если ее действительно турнут с работы и она останется на бобах. Честно говоря, он уже привык и к самой благодетельнице, и к ее регулярным передачам, и очень не хотелось менять коней на переправе. К тому же он искренне желает ей добра, что бы там ни говорили. То, что между ними не совсем бескорыстные отношения, никак не отменяет того факта, что она очень даже интересная женщина. Пожалуй, единственная, с кем приятно переписываться. Имеет некий литературный стиль и внятно излагает мысли. Она не сидит дома, как многие толстухи, покрываясь плесенью и пялясь в компьютер, а трудится где-то в индустрии моды. О работе своей говорит с пылом, который невозможно не оценить. Ну, ушел от нее муж, бывает, может, она после этого и раскрыла свой профессиональный потенциал.

Кстати, дама весьма игрива.

Он написал ей: *«Мальши, что уж там, я бы на месте начальника тоже не удержался. Но обещаю, что будешь осторожна».*

– Серегу в ШИЗО понесли! – громко сказал кто-то, и он сбился с мысли.

Новость прокатилась, кое-где вызывая смех. К Сереге приехала его Таблетница. Сроку Сереге на свидание дали два дня, но что толку. Как обычно, его, бессознательного, пускающего пузыри, уже через пару часов уволокли под руки и бросили отсыпаться в ШИЗО, а Таблетница с позором поехала домой. История повторяется, и никаких в ней новых нюансов или витков. Зона смеется, гадает, присунул Серега ей на этот раз или опять нет, и делает ставки. Когда Серега вернется, он скажет, конечно, что все было, но ответом ему будет только дружный хохот. Кто ж ему теперь поверит.

Таблетницу Серега подцепил в Интернете и обрабатывал долго, тщательно и настойчиво. Ныл, что хочет любви. Что в его заключении одна хорошая сторона – он встретил *ее*. Что его проняло, пронзило, озарило. Что заточение расставило в нем приоритеты. Что его крепкие сильные руки рвутся уже в бой – хотят стругать, колотить, тачать, красить, сажать деревья – в общем, желают работать, чтобы любимой женщине ни в чем не было недостатка. «В лепешку разобьюсь, но ты у меня работать не будешь, – заливал он, – я мужик с руками, все умею, ничего не боюсь». («Ни на минуту с рук тебя спускать не буду, все время буду на руках носить» – такую фразу хотел написать Серега, но он возразил, что, если руки будут заняты каждую минуту, когда работать-то?) Ну а пока Серега по известным причинам выполнить свои обещания не мог, потеть приходилось самой Таблетнице.

Заочница попалась перспективная – сердобольная, и ока-

залась не против тюремной романтики. Фотографии ли Сереги (не слишком, к слову сказать, симпатичного) произвели впечатление или письма, которые Серега просил для нее написать, но только стала она рваться в колонию душой и телом. Состряпала в ЖЭКе справку, что до заключения Сергей проживал с ней как гражданский муж, и приехала к нему на свидание. А потом и на длительное. Чтобы дама не моталась попусту, Сергей наказал ей купить ему веселых таблеток. Но как она их пронесет? А очень просто – в себе. Засовываешь в то место, которое пуще других к милому хочет, а потом в комнате свиданий достаешь. Дама оказалась не просто бесстрашная, а откровенно безбашенная, таблетки купила и доставила ему. Серега сразу же наелся их и брякнулся на пол балдеть. Шли часы. Таблетчица заскучала, ожидая, пока он в себя придет, и в конце концов была вынуждена открыть охране истинное положение дел. Влюбленных сразу же разлучили – Серегу снесли в изолятор, Таблетнице показали пальцем на дверь. Казалось бы, тут истории и конец. Но женщина оказалась настойчивая. В общем, сделали они еще попытку наладить отношения. Потом еще одну. Но заканчивалось все всегда одинаково. Таблетница в скором времени грозилась разориться. Расходы она несла немалые – таблетки, билеты, продукты милому, оплата комнаты свиданий и некоторая сумма на лапу за то, что закрывали глаза на ее начинку, когда она приезжала.

Серега так до сих пор и не переспал с барышней. После

таблеток он мог только мычать. Ну мог еще обоссаться. Может, эти стоны и были похожи на стоны страсти, но Таблетницу они удовлетворить не могли. Что ему стоило совершить акт любви до того, как он примет таблетки? Но нет. Теперь мужики спорят – явится Таблетница снова на свидание или уже наигралась в любовь? И ведь не знаешь, на что поставить. По уму, конечно, ни одна, даже самая заваливающая, баба на такое не пойдет. Но где их ум? Врут дома и на работе, едут на поезде по два дня, тратят сбережения, тащат передачи по двадцать килограммов (больше нельзя), чтобы... Чтобы что?.. Можно выдумать себе в тюрьме биографию, характер, душу. Но есть вещи, которые не спрячешь, которые неизменны – ты зэк, может, даже убийца и насильник, и ты отбываешь срок. После него ты явишься на волю изгоем, которого не хотят брать на работу. На что надеется Таблетница и иже с ней?

За первые месяцы заключения он, считающий себя вполне общительным человеком, завязал только пару шапочных знакомств с соседями по бараку. Он понял: душевные знакомства здесь не в ходу, любопытство тоже. Он привык говорить только самое необходимое, быть полуневидимкой, тенью самого себя и ни к кому не лез с расспросами и откровениями. Листы фанеры становились все легче, на их покраску уходило все меньше времени. У него появилось свободное время и даже некоторые развлечения. Прислушиваясь к то-

му, о чем говорят кругом, он выяснил, что большинство в его бараке сидят за кражи, сбыт наркотиков, угон автомобилей. Подметил, что за спокойствием и рассудительностью соседа, как правило, стоит серьезное преступление, а шушера более шумлива и горласта. Он не без гордости узнал, что у него вполне «солидная» статья – нанесение тяжких телесных. Сосед научил его, как лечить нарывы: нужно приложить к больному месту пережеванный вместе с луком хлеб – помогло.

Из законных развлечений на зоне были плохо укомплектованные библиотека и «качалка». Хождение в гости в соседние бараки считалось запретным досугом, но раз другие ходят, рискнул и он. Сосед давно зазывал его пойти с ним, и, наконец, он решился, и не пожалел, походы в нерабочий отряд приятно разнообразили существование. Здесь, в отличие от его сонного и усталого царства, всегда былолюдно и шумно, царила едва ли не праздничная атмосфера и налицо были все нарушения режима – играли в карты, пили непонятно где взятый алкоголь; арестанты были веселее и развязнее многие были одеты в запрещенные майки ярких цветов. Своим он тут становиться не пытался, в картишки перекинуться ему не предлагали, но все равно нерабочий отряд казался увеселительным аттракционом. Здесь сидели блатные, можно было насмотреться самых разных партачек⁴ и послушать настоящие воровские разговоры: «Смотрю, у нее дур-

⁴ Партачки – татуировки (жарг.).

ка разбитая, так я приштырился и выпустил шмеля»⁵. Здесь предлагали выпить хорошего чая (чифирь он так и не распробовал и не понимал, что другие в нем нашли, но чай любил) и разжиться кроссвордами. Он скромно садился в сторонке, пялясь в книгу, или, если хватало сил и вдохновения, записывал кое-какие мысли для романа, радуясь, что, хоть и шумно, он не слышит певуна. Параллельно прислушивался к тому, что обсуждают рядом.

В один из таких дней он случайно и обнаружил, что общения и у него может быть в избытке. Рядом с ним несколько мужиков писали письмо. Точнее, писал уважаемый человек Лысый Миша, пыхтя и потея от напряжения, а другие делали вид, что помогают, хотя больше зубоскалили. Письмо, как он сразу понял, было адресовано Мишиной девушке. Миша присел за разбой с применением оружия еще в свои девятнадцать. Отсидев пять лет, он через год снова был осужден по той же статье, на этот раз на семь лет. Вышел, и снова все повторилось. На свободе он появлялся лишь урывками. Сейчас Мише было тридцать пять, и хотя выглядел старше, умом он прочно застрял в своих девятнадцати. Мишину лысую голову украшало что-то вроде стрелы с оперением (нелепая татуировка для шишковатой черепашьей башки), и сейчас было буквально слышно, как под ней тяжело шевелятся мысли. Сейчас он с помощью товарищей, которые разумели грамоту не лучше его, сочинял текст романтического пись-

⁵ «У нее сумка открытая, я пристроился рядом и украл кошелек» (жарг.).

ма. Перед группой авторов стояла задача: упростить Мишину пассиву, чтобы она не загуляла в те два года, которые Мише оста лось сидеть. Из-за отсутствия элементарного умения излагать мысли письмо получалось скорее комичным, чем романтическим. В письме были такие чудовищные архаизмы, как «милая моя Катя», и «вечно твой», и «по страшному недоразумению». Миша клялся Кате, что сел из-за судебной несправедливости, что его подставили. Он интересовался у приспешников, как правильно пишется «недоразумение», и в конце концов сделал в слове четыре ошибки. (Скажут – такое невозможно. А он ответит – для той компании это еще не предел.) Но слово нравилось мужикам, они употребили его уже не менее трех раз.

– НЕ-ДО-РА-ЗУ-МЕ-НИ-Е! – Он не выдержал, наконец. Он надеялся произнести замечание как можно более вежливо, но голос, севший от долгого молчания, прозвучал ужасно громко и грубо.

Мужики отреагировали более остро, чем ему хотелось, – как по команде повернулись к нему. Вцепились глазами.

Повисла пауза – долгая. Он судорожно стал соображать. Кажется, он не нарушил никаких правил. Или по незнанию преступил какое-то страшное табу? Можно же, в конце концов, подсказывать слова в кроссвордах, здесь это делают сплошь и рядом. Что он сделал не так? Тут не знаешь, где оступишься. Он видел страшную драку, когда бьют, желая убить, – а поводом было лишь то, что один наступил в гов-

но, а другой это увидел. А сперва дерущиеся долго, до хрипа и на полном серьезе обсуждали, форшманулся замаранный или нет, – один настаивал, что говно собачье, а не человеческое, поэтому предъявлять ему вроде как и нечего, а второй говорил, что говно оно и есть говно... Зачем вообще заговорил, его ведь не спрашивали.

Но Миша ответил вполне сердечно – благодарю, и вернулся к письму. Потом сам поинтересовался, не знает ли он, как пишется «разлученный». Он подсказывал, а лысый прилежно исправлял. Наконец Миша спросил:

– Я вижу, вы часто пишете. Не глянете на мое письмо по возможности? На предмет ошибок? – и махнул рукой: – Сеня, дай человеку чаю!

Обращение на «вы» уже не резало слух, неизменная вежливость здесь – вынужденная и очень важная мера. Это такое мировоззрение. Его надо принять на время, пока ты сидишь, хочешь или нет. А вот привыкнуть к тому, что другие гоняют шнырей почему зря, придумывая им задания, которые ничего не стоило бы выполнить самим, он все не мог. Было стыдно за этот чай, который ему подали в пластмассовой чашечке, но он взял, чтобы никого не взбесить. Хочется верить, что он не переопылится этой гнилой насквозь философией.

Один из соавторов спросил Мишу похоронным голосом:

– Откуда ты знаешь, что он тут вечно пишет? Может, донос на тебя?

Он снова вздрогнул, но парни заржали, значит, шутка.

«Моей любимой женьщине», – начиналось письмо. Он быстренько исправил ошибки. Но оставалось самое важное – смысл послания, который прыгал, как кардиограмма инфарктника.

– Вот вы начинаете очень трогательно, пишете, что хотите быть с ней, когда выйдете. Но потом: «Раз я люблю тебя, – говорите, – ты должна быть мне верна». Это немножко... прямолинейно. Давайте не будем говорить ей, что она *должна*. Дайте ей понять как-то более ласково. Мол, если ты меня дождешься, я буду самым счастливым человеком. Далее. Что за фраза: «Во мне возобладали моральные качества»? Вероятно, вы имеете в виду, что исправились. Но зачем так сложно? Ведь есть слова проще и ясней – «раскаиваюсь», «исправляюсь», «многое понял».

Он отредактировал красочные и глупые абзацы, не встретив возражений. Теперь Миша признавался Кате: «Только мысли о тебе помогают держаться». Он не требовал верности и говорил даже, что ее не заслуживает, но тем самым брал Катю на слабо и как бы к верности этой ласково принуждал. Признавался, что Катя – лучшее, что есть в его тяжелой жизни. Миша сунул ему потом несколько сигарет, которые были как нельзя кстати, и целую баночку джема – стеклянную, категорически запрещенную в передачах банку. Где они только берут эти фантастические вещи? Он попытался вежливо отказаться, но по взгляду Миши понял, что отвергать дар нельзя.

– От души – бери, – сказал Миша.

– Он сладкого не ест, – ввернул Мишин приспешник, – вышло же постановление, – всем, кто легче сорока пяти килограмм, будет амнистия.

Они смеялись долго и смачно, в их миропредставлении это была просто великолепная шутка. А он был рад неожиданно подаренному ему общению и даже немножко горд – поговорил вот так запросто с уважаемыми людьми и даже был им полезен. Да что там – он просто перекинулся словечком хоть с кем-то. Он так давно ни с кем не разговаривал. Улыбаясь (наверняка глупо), снова сел писать. У него спросили: «Тоже письмо?» – и он ответил: «Нет, пишу роман». – «Писатель, значит», – покивал Миша и, конечно же, спросил то, что спрашивает почти каждый придурок, когда узнает, что общается с писателем: «А про меня напишешь?» Он тогда еще Мишу недооценивал, не знал, что историй Миша ему подкинет ой сколько. Подумал только: как это Миша успел не только подцепить бабу за те месяцы, пока был на свободе, но и так ее к себе привязать, что диктует теперь, как ей себя вести?

Вечером к нему пришли гости. Миша и еще двое из неработающего отряда, имен которых он не знал (Миша всегда ходил только с компанией), принесли цейлонский чай и сло-бу. Теперь Миша был мрачен. И попросил написать еще одно письмо.

– В общем, Писатель, – сказал Миша, – постарайтесь еще,

пожалуйста. Она должна меня простить. Напишите ей как-нибудь... объясните, что я был не прав. Только не пишите прямо – «не прав», а как-нибудь в обход, красиво. Что я вроде как извиняюсь. Но надо так сказать, чтобы ее проняло, понимаете? Чтобы прямо до слез ей жалко меня стало».

– Так разве то письмо вас не устроило? – осторожно поинтересовался он (и джем-то уже съеден). – Вы же, кажется, говорили, что оно вполне... м-м-м... четкое...

И тут Миша его огорошил.

– То была Катя, – сказал он, как маленькому, – а это Алена.

Странные вещи тут творятся.

– А Алена – это, простите, кто? – Он понял, что перегнул, лишних вопросов тут не любят, и поправился: – Я просто хочу лучше понимать, кому мы пишем.

– Это жена моя.

Он к тому времени научился уже сохранять невозмутимое выражение лица, но сейчас, кажется, оно вышло из-под контроля. Мишина личная жизнь оказалась настолько бурной, что оставалось только завидовать. Свою супругу он нашел на сайте знакомств. Миша и фотографию ее показал в телефоне – щекастая женщина с богатыми волосами и носом-пуговкой. Миша написал про себя в анкете, что он «спокойный, добрый мужчина ростом 195 сантиметров, и с верой в то, что, несмотря ни на что, еще встретит свою любовь и создаст семью». Что он «много выстрадавшая одинокая душа, гото-

вая раскрыться, как цветок, под лучами любви и ласки». В графе «недостатки» он указал скромно «нахожусь в местах л/с». Алена не смутилась тяжестью преступления и тем, что суженый еще долго будет за решеткой, и стала с Мишей переписываться. Сначала они просто болтали, потом она согласилась приехать к нему на свидание, на котором Миша с ходу сделал ей предложение. Алена собрала документы и переслала их начальнику тюрьмы, чтобы их подписал и Миша, купила платье и оплатила церемонию. Они зарегистрировались прямо здесь (на свадебном фото Миша был в пиджаке, но объяснил, что под ним были тренировочные штаны, на фото все равно не видно). Он слушал и понимал, что Миша-то не влюбленный дурачок. Просто теперь Мише, как женатому человеку, полагаются длительные свидания.

Но во время последней семейной встречи случилась неприятность: Алена обнаружила в карте Мишиных посещений контакты Кати – та приезжала неделей ранее. Катя тоже была найдена на сайте знакомств. В общем, Алена устроила скандал, грозит разводом и посылку Мише на день рождения не прислала, но Миша очень хочет вернуть жену и готов даже, «если что», пожертвовать отношениями с Катей. А «человечек», который хорошо строчил письма, добавил он, как назло, недавно откинулся. «Сформулируйте мне пару мыслей, чтобы она поняла, что Катя – это так...» – Миша изобразил неопределенно-пренебрежительный жест, хотя из его письма к любовнице следовало, что сохранить отношения он

планирует с обеими.

Старательно делая вид, что все, что рассказал Миша, в порядке вещей, он отработал подношения. Миша настаивал на фразе «давай зажжем огонь любви по-новому», которую где-то слышал. Но они написали просто: «Оступился, с ума схожу от раскаяния и жду хоть какого-нибудь знака, из-за которого пойму, что мне стоит жить дальше» – и т. п.

Он пытался пропихнуть свой роман в издательства, но везде получил суровый отлуп. А колония сразу признала его литературный талант и дала ему лестную (с любой стороны) кличку Писатель⁶.

Популярность на зоне... Она не обрушивается, не накрывает с головой. Но если уж просочится, так везде. Миша рекомендовал его другим «клиентам», оказалось, бездельники из нерабочего отряда любят погонять в любовь с заохами, а с грамотой у них у всех туго, приходится пользоваться навязшими уже в зубах, бог знает кем и когда сделанными шаблонами.

Он сочинял письма на любой вкус. «Влюбленные». «Умные». «Женам». «Любовницам». Особенно востребованы были тексты «покаянные», которые должны были убедить адресата, что заключенный раскаивается в содеянном и ни за что не ступит снова на скользкую дорожку, что он ждет не

⁶ Игра слов. «Писарь», «писатель» – преступник, хорошо владеющий ножом (жарг.).

дождется жизни, наполненной семейными радостями и честным трудом. Некоторые зэки, клявшиеся в этом женщинам, были покрыты татуировками так густо, что с лупой нужно было искать чистое местечко, но женщины им отвечали. Взамен просители гнали ему сигареты, брагу, шоколад, чай, кофе, сахар. Никчемному документу *«Письмо любимой женьщине»* суждено было кардинально изменить его положение.

Если можно так сказать, на зону ему повезло попасть, когда в ней уже начался телефонный бум, когда она перестала быть абсолютно непроницаемой. Никуда не делись вонючие бараки, решетки на окнах, дежурные по периметру глухой стены, заборы с колючей проволокой поверху. Но в тюрьме процветала любовь, которая, как известно, преград не знает. Зэки дорвались до социальных сетей и сайтов знакомств и писали сообщения во все концы страны. Не нужно думать, что все, кто пишет с зоны незнакомым женщинам, движимы исключительно корыстным интересом. Многим просто интересно поболтать. У Миши были заочницы и для души.

Он тоже зарегистрировался на сайте.

Они работали сообща с одного аккаунта и размещали на сайте знакомств обобщенные анкеты. Создавали собирательный образ «симпатичного мужика, временно находящегося в трудном положении». Статья у мужика несерьезная, срок небольшой, скоро на свободу. Мужичу хочется любить и быть любимым, и, разумеется, он раскаивается в содеянном. Женщин, клюнувших на призыв, делили между собой, ино-

гда просто разыгрывали в карты. И тюкали каждый свою, тюкали, тюкали своей любовью. Лили бесконечные признания. Потом уже, когда избранница выказывала интерес, можно было сказать ей: *«Я должен признаться. Меня зовут не Леонид, а Андрей. Сама понимаешь, я в таком положении, что не могу раскрывать свое подлинное имя и фотографии. Мы познакомились при печальных обстоятельствах. Но нас ведь сразу потянуло друг к другу. Ты мне и правда очень понравилась, и я хочу начать общаться с тобой с чистого листа»*. Неприятную правду прибереги на потом, когда женщина уже прикипит, ей по фигу будет, убийца ты, бандит или вымогатель. Когда она захочет тебя, она закроет глаза и не на такое.

Он отъелся наконец. Со временем вообще плюнул на фанеру, корячиться на производстве перестал, перешел в нерабочий отряд. Авторский труд кормит неплохо. Нет, много у них и мужиков с семьями, с невестами, которые не рыпаются, не разменивают любовь, чтобы по мелочи одаривать ею кого попало. Которые пишут только своим. И они в его услугах попросту не нуждаются. Они платят, чтобы поговорить с супругой по телефону, и пишут ей длинные и короткие, грамотные и безграмотные письма. Но пишут самостоятельно. Письмо женщине, которую действительно любишь, никогда не доверишь чужим рукам. А его контингент – жулики и проходимцы. Он – не Писатель, а просто мастер фальшивок. Но работы у него хватает.

И что с того, что он состряпал уже сотни писем, которые вызвали у адресатов необходимые эмоции и подвигли их к необходимым действиям? Ведь *для себя* написать письмо он не может. Чужой, незнакомой, неважной – ему ничего не стоит накропать признание, от которого у нее захватит дух. Потому что на нее ему плевать. Когда на кону конфеты и пряники, рисковать несложно. А когда твоя собственная жизнь... Тут посложнее будет.

Он думал: начну так же, как начинал уже много раз: «Любимая, я должен тебе кое в чем признаться...» – и пойдет-поедет. Но не получалось. Весь этот его хваленый дар покидает его без следа, стоит только подумать о том, чтобы написать «я тебя люблю» не какой-то женщине, а *ей*.

И он трясется как в лихорадке, стоит только подумать о том, чтобы сказать правду: *«Вика, я тебя люблю. Не всех тех, с кем мне так легко быть пылким, настойчивым и страстным, а тебя одну. Люблю, несмотря на то, что ты со мной сделала, и, вероятно, буду любить всегда. Я не спрашиваю тебя, что мне делать с этим, просто хочу, чтобы ты знала»*.

P. S. Кстати, за все время на зоне он не написал ни одного письма мужчине. Все они были адресованы только женщинам.

Василь

Если честно, потоп был Василию даже на руку. Недавно пробежала между ними кошка, и отношения, которые были вполне приятными, немножко разладились. Василь сам до конца тогда не понял, что случилось, но после инцидента Виктория стала его избегать, и так продолжалось до сегодняшнего дня. А тут – потоп, который их вроде как свел вместе и заставил пообщаться. Улыбками своими этими и пирожными она как бы дала ему понять, что зла не держит и все между ними путем.

Случилась-то, если рассказывать в двух словах, сушая ерунда – он ей отдал ее туфли, которые отремонтировал. А она брать их отказалась, да еще накричала на него...

Этой весной (время было утреннее, светило солнце) Василь в хорошем настроении выкраивал лекало. Он резал ножницами картон и иногда поднимал глаза, чтобы посмотреть на Ивана и его молодую жену, которые с утра ходили по комплексу. Настроение у Ивана и Виктории было прекрасное. Иван себе обычно никаких шалостей не позволял, всегда был чопорный, а тут расхаживал, держа жену за руку при всем народе. Она смеялась глупо и счастливо. Светлые кудряшки ее растрепались, и на вид ей было лет восемнадцать, не больше. Люди, глядя на них, улыбались. Вот вам хороший пример того, что деньги не всегда помеха чувствам. Но на-

строение-то он, Василь, Вике в тот день подпортил, да еще как.

Свет из недавно отмытых окон заливал коридор, бликовал на белой блузке Виктории. Когда хозяева прошли мимо ремонта в очередной раз, что-то щелкнуло у Василя в голове. Так щелкает, когда ты внезапно вспоминаешь, что забыл выключить дома утюг или плиту. Причина его беспокойства была Виктория. С ней что-то было не так, только он не мог понять, что именно. Потом понял – и обалдел.

Волосы у нее теперь белые. И стала она худая-худая, одна кожа да кости. Повзрослела, похорошела, лоск женский приобрела. И лицо изменилось как-то. Но это точно она – девчонка-брюнетка, что сдавала ему три года назад синие туфли-лоферы. То, что она их не забрала, – не странно. Зачем Виктории теперь какие-то потертые лоферы, у нее босоножек и туфельек, наверное, целый вагон. Что по-настоящему удивило его – это изменения, которые произошли с ней. Он даже подумал, что ошибся, но нет – это была ты самая девчонка. Что же надо сотворить с собой, чтобы он, Василь, клиента своего не узнал?

В общем, он решил: худая ли она или толстая, нужны ей эти туфли или нет, но вернуть их все равно надо. Получается, он их присвоил. И вроде бы он тактично себя повел – дождался, пока Иван отлучился, и только тогда ее окликнул. Она подошла, все еще улыбаясь, но, когда он туфли ей протянул со словами: «Это же ваши? Что же не забираете?» –

улыбка у нее сразу стерлась. Она даже побледнела. «Нет, не мои», – сказала. Он нет чтобы сразу заткнуться, сдуру за-чем-то ляпнул: «Да как же не ваши, я же помню. Я вас просто не узнал, вы по-другому совсем выглядели». Она руками всплеснула: «Может, и мои, и что? Я всего упомянуть не могу. Может, и сдавала, так когда это было. Вы б еще Первую мировую войну вспомнили». А сама нервно оглядывалась, не идет ли Иван. И глаза злющие такие... Понял он, что зря туфли достал. Что не те воспоминания вызвал, какие нужно. «Так вам их не надо?» – спросил только. «О боже, нет, выкиньте их, если хотите. – Она вежливо улыбнулась и, увидев, что возвращается муж, сменила тему: – И кстати, Василий, эта ваша работница, – как там ее, – без санитарной книжки тут сидит, я понимаю? Вы бы урегулировали этот вопрос. Иначе ее придется уволить».

Он вернулся в ремонт и сел за стол, но так был расстроен, что за работу сразу приняться не мог. Вышла из подсобки Ульяна с застывшим мрачным лицом. «Вы про меня говорили», – сказала. «Да не про тебя», – попытался он соврать, но Ульяна покачала головой: «Не трудитесь, Василий Эдуардович, я все слышала. Я знаю, что она хочет, чтобы меня уволили. И знаю за что». Повернулась медленно так, напоказ, и ушла. Он только рукой махнул и вернулся к своей подошве. За одну минуту обидеть двух женщин – это кажется, рекорд, Василь.

Вика с тех пор смотрела на него с прохладцей, разговари-

вать перестала. А сегодня вроде как оттаяла немного, и это хорошо. Он всегда ее уважал. А что за туфли и что за дела были у нее до свадьбы, про которые мужу знать не полагается, – его не касается. Забыли, проехали.

* * *

«А помните, Василий Эдуардович, как я к вам на работу приходила устраиваться?» – спросила Ульяна. Еще бы не помнить. Она тогда такой неумной ему показалась. Объявление, которое он повесил: *«Требуется помощник. С опытом работы!!!»*, читала, будто оно на китайском. Сколько раз идет, столько раз читает. И все не решалась зайти внутрь. Постоит, шевеля губами, и уйдет. На следующий день опять придет. Думала, он ее не замечает. А ему этот свитер ее оранжевый уже примелькался.

Наконец осмелела, зашла, призналась, что ищет подработку возле дома, такую, чтобы не на целый день. Намекнула, что какие-то у нее обстоятельства, из-за которых она не может работать в офисе. Конечно, куда ей в офис. Там такую тетеху сожрут в два счета молоденькие акулки на каблуках и в деловых костюмах. В офисы в таких свитерах не берут, уборщицами если только. Хотя могла бы сделать из себя кого поинтереснее. Свитер свитеру тоже рознь, можно найти такой, который тебе по цвету подойдет. Лохмы опять же как-то наверх можно убрать. Рот нарисовать покрасней. И будешь

в приличном виде.

Он ей соврал, что работника себе вроде как присмотрел и почти с ним договорился... «Никого вы не присмотрели», – ответила она. Он аж обалдел. «К вам устраиваться никто не приходил. Все только обувь приносили, я сама видела. И объявление еще висит. Сотрудник вам до сих пор нужен». Вот нахалка. «Допустим, нужен, – вспыхнул он, – только не вы». – «Зачем так? Дайте мне задание, если сомневаетесь в моих профессиональных качествах. Все равно у вас пока никого нет, что вы теряете?» И позволил он бабе взять себя на слабо. Дал вшить молнию на сапоге. Испортит, так не сапог и был. Видать, не обошлось в подсобке без колдовства, потому что сапог она ему вынесла – новый. Он хотел спросить: ты что, разыграть меня вздумала? И только потом признал свой сапог. Понятное дело, что можно тут и там краской для кожи подмазать, чтобы приличнее выглядело. Но чтобы из старого отказного сапога сделали новенький, такого он раньше не видел. Все трещины, рубцы закрашены так, что не придерешься. Никаких переходов из одного оттенка в другой, просто новый, как со станка, сапог. А на щиколотке, где кожа стерлась до белого цвета и трещинами пошла, расцвел цветок орхидея. Так удачно она его вписала, что дизайнер, если бы сапог свой увидел, сказал бы: елы-палы, что ж я не догадался. «Ну, молнию ты вшила кое-как, – попытался спасти он свою репутацию, – посмотри, как подсунула. Подрезать придется». Но в помощники, конечно, взял. Поинтересовал-

ся: «А что ж ты ко мне пришла?», имея в виду: «Тебе бы в модное ателье какое-нибудь, а не в ремонт». Но она посмотрела на него как на дурака. «Я же говорила, что мне нужна работа возле дома. Я временно в сложном положении». И слово «временно» выделила так многозначительно голосом. «Что с тобой поделаешь, выходи завтра», – сказал он.

Но на следующий день выяснилось, что Ульяночка-то, кроме как рисовать цветочки, ничегошеньки не умеет. Попросил ее кремом натереть все, что выдавать завтра, – слишком жирно намазала, обувь к рукам липнет. Пузырек с краской не закрыла, и та засохла. Инструмент разбросала. Бегунки на молниях поменяла – он аж присел. На пару сапог надела – внимание – разные бегунки! «А что, – сказала, – двух одинаковых не было». Как – не было? Ты поищи! Не может в ремонте быть лишь по одному бегунку каждого вида. У Василя – не может!

Он взбесился: «Мумиё моё, Ульяна! Ты ж работала в ремонте. Тебя там что, ничему не научили?» А она опять странно как-то посмотрела: «С чего вы взяли, что я в ремонте работала? Я лично такого не говорила». Он язык и прикусил. И ведь правда, он ее даже не спросил про опыт работы, как-то вылетело. Околдовала она его этим цветочком, что ли? Плюнул придираяться, решил – натаскаю. Вот, до сих пор мается.

Он потом не раз в шутку пенял Ульяне, что она через колдовство какое-то к нему в ателье пролезла. Что магию при-

менила. Не пустил бы он на порог неумеху, а ведь у нее на носу написано, что неумеха.

Он ей ответил честно: «Извини, Уля, обидеть не хочу, но не знаю, почему я тебя взял». Она не обиделась: «Просто вы порядочный человек, Василь Эдуардович, и сотрудник вам тоже нужен порядочный». Да не в этом дело, Ульяна, не в этом. Но уж что-что, а порядочной Ульяна – была. За то и терпит.

Василь выскочил на крыльцо и притулился с сигаретой в стороне от потока людей, заходящих в комплекс. Одни пытались обтрусить обувь о специальный коврик, другие перли без стыда, оставляя комки грязи. Осень уже не та, которая золотолистная, пышная, красивая. Октябрь, он и есть октябрь. Еще вчера все так красиво желтело и краснело, и вдруг в считанные минуты осыпалось. Почти все деревья в парке голые, и птицы больше не шебуршатся в ветвях. По вечерам он уже не ходил домой через парк, как любил делать летом. Парк теперь грязный, мокрый, облезлый. Василь отыскал глазами место, где утром нашли труп. Находку, конечно, уже увезли. Был живой человек, мечтал о чем-нибудь, след после себя хотел на земле оставить. А взял да и погиб кумушкам из «Продуктов» на развлечение. Неужели и правда маньяк у них завелся?

На парковке возле своей машины Виктория Львовна переминалась с ноги на ногу перед братом, судя по жестам, жа-

ловалась ему на что-то. Ясное дело, бизнес – это вам не только радость. Хотела бизнесменшей стать, девочка, – получи кучу проблем.

Он после того, как они воду собрали, сказал: жаль Вику, не повезло ей сегодня. У Ульяны аж лицо вытянулось. Ответила: «Мне бы ее проблемы. Просто она бизнес вести не умеет». Он стал Ульяну урезонивать: «Не скажи, ты ж в ее шкуре не была. Бизнесом не командовала. Что ж ты, деловая такая, свое кафе не открыла, раз знаешь, как бизнес вести правильно? Что ж на дядю работаешь?»

А Ульяна как гавкнет: «Откуда вы знаете, чем я командовала? Я, чтоб вы понимали, тоже свое дело открывала – только все псу под хвост. Не дадут у нас одинокой женщине нормально трудиться. Не дадут. У нас же женщина сама по себе, без мужика, ничего не значит. Меня ведь никто не крышует, как некоторых. Нет мужа богатого и брата, которые из любого говна вытащат».

Ишь, как разошлась. Василь тему сменил, хотя язык чесался сказать Ульяне, что зря она так. Что никакой муж и брат, будь они хоть сто раз богатые, тебя не спасут, если ты бездарность. Мужики Виктории помогают, конечно. Но она и сама крутится будь здоров. А хаять – это проще всего. Но не стал он Ульяне все это говорить, чтобы она еще сильнее не распалилась. Пошел курить, потому что ввела его Ульяна в раздражение.

Почувствовав, что на нее смотрят, Виктория обернулась.

Увидела его, губы в улыбку вежливо так сложила. И снова принялась брату что-то рассказывать. Он аккуратно потушил сигарету о край урны. Виктория Львовна и Кирилл уселись в дорогие свои машины, в каких Василию внутри бывать не доводилось, и уехали каждый в свою сторону. Погода, да, мерзкая стоит. Зато осень – самое хлебное время. Люди к зиме готовятся, несут сапоги, ботинки, ботильоны, чтобы им поменяли набойки и вшили новые молнии.

Вика

– Вика.

– Что?

– Посмотри на меня. Что опять не так?

– С чего ты взял?

– Я же вижу.

– Что ты видишь?

– Черные точки, например.

– Какие точки? – На секунду ей показалось, что Кирилл бредит.

– Когда кое-кто плачет, у него размазывается тушь. Он ее под глазами вытирает. А в уголках все равно остаются черные точки-комочки. Или как у вас, у женщин, это называется. Если не хочешь, чтобы догадались, что ты плакала, вынимай их тоже.

– Я обязательно так и буду делать.

Он протянул платок:

– Нет, ну в самом деле, что ты куксишься? Из-за трубы, что ли?

– Из-за трубы.

– Боишься, что Иван узнает? Брось.

– Да. Я боюсь. Что Иван все узнает.

Он понял, щелчком отбросил сигарету. Описав оранжевую дугу, она упала на асфальт, взорвавшись маленьким снопиком искр. Нахмурился – две брови встали в одну линию. Но сделал вид, что не смекнул, о чем речь:

– Тебе не по фигу вообще? Подумаешь, труба.

– Если б только труба. Прибыли ноль. – Она тоже свернула с темы. – В этом месяце, допустим, не минус, но все равно – ноль. Я и вложения не отбила.

– И что? Ты серьезно думаешь, что он тебе кафе сделал, чтобы ты прибыль приносила? Да это так, чтобы ты развлекалась, пока дети не пойдут.

– Развлекалась? Спасибо. Мне и так не скучно.

– Я не понимаю. Скучно ей было – на кафе. Реализуй себя, сколько влезет. А теперь что не так? Слишком весело? Ты извини, я не всегда угадываю, чего тебе надо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.